

Комсомолец Донбаса
г. Донецк

6 ИЮЛ 1985

— Валерий Владимирович, еще Станиславский говорил, что зритель идет в театр, ища развлечения, но от театра зависит, с чем он уйдет. Как, на Ваш взгляд, театр, искусство вообще могут воспитывать зрителя, особенно молодого?

— Мне думается, что театр — это активный социальный институт, но выражающий все свои идеи художественно. Театр, безусловно, может человека воспитать, но это не сиюминутный результат, это процесс долгий. Хороший спектакль — это спектакль, к которому хочется возвращаться, его

честный, бескомпромиссный. В 50-е годы, будучи напечатанным в «Новом мире», который редактировал Твардовский, он стал событием в политической жизни страны. И сейчас не устарел.

Я вообще считаю, что главным образом драматический театр должен говорить о том, чем живем мы сегодня, сейчас, и говорить очень честно. Театр Ермоловой в 60-е годы называли лабораторией современной советской пьесы, и эту традицию, я считаю, нужно развивать. Как и традицию актерского теат-

с неохотой. Но то было бытие, ритуал. Праздник! Я ничего не помню из тех «Мертвых душ», но ощущение праздника осталось.

— Сейчас много спорят о том, с какого возраста водить детей в театр, организуют коллективные походы...

— С какого возраста? Знаете, мне думается, чем раньше, тем лучше. И с трех, и с четырех лет. Важно только, чтобы ребенок хотел этого, чтобы приход в театр был не дежурной обязанностью, не формальностью (как, скажем, «Спокойной ночи, малыши!»

в решении каких-то проблем — много труднее.

Что касается критики, с ней у меня отношения сложные. Если говорить честно обо мне писали много и в основном хорошо. Но за 15 лет могу назвать примерно работы четыре, в которых анализировались ошибки, достижения, мотивы моей режиссерской работы. Эти серьезные, умные статьи помогли в продвижении вперед. Думается, критика должна быть более внимательной с точки зрения развития режиссера, уж если она о нем пишет. Тогда это помощь.

— Умеете ли Вы полагаться на актера, воплощая режиссерский замысел? Доверяете ли актеру?

— Безусловно. Я считаю, что одним из основополагающих в работе режиссера должен быть принцип любви к артисту. Режиссер должен чувствовать актера, понимать его природу, уметь проиграть роль внутри, показать, если нужно. Вообще профессия наша очень сложная, требует многих качеств — мужества, воли, терпения, бескомпромиссности.

— Как Вы пришли в режиссуру?

— Можно сказать, случайно. После школы учился в Московском художественно-промышленном училище имени 1905-го года, хотел быть театральным художником, работал художником-декоратором в московских театрах. Оформил спектакль в любительской студии ДК имени Зуева, сыграл там даже две роли. И увлекла возможность воссоздать чужую жизнь на сцене... Потом — учеба в Щукинском училище и пятнадцать лет в «Современнике».

— Критика сейчас много пишет о том, как трудно молодым в театре. Студенты, подававшие в институтах надежды, приходят в труппу и начисто выпадают из поля зрения режиссера, занятого множеством других забот. Как тут проявить, не растерять себя?

— Я очень серьезно отношусь к молодежи и очень в нее верю. По тому, какая молодежь сегодня, можно судить о том, что будет завтра. Дело не только в одаренности. Не менее важно, чтобы она была идейно направленной, чтобы гражданское начало вместе с одаренностью пыскало искру. Полезно, когда молодежь идет в разумный творческий конфликт. Я мечтаю о том, чтобы молодежь ставила свои спектакли в театре, говоря со сцены о том, что она любит, что ненавидит, чего хочет. Молодежь — это двигатель в театре, а иначе она приспособится, живет вроде бы спокойно, играя какие-никакие роли. Но покой это мнимый. Живой театр — это театр, который может волновать, даже раздражать.

А что касается того, что до начинающих «руки не доходят...» Не знаю. Я пятнадцать лет проработал в театре «Современник», там как-то до всех молодых актеров руки доходили. Другое дело, что нужно уметь и стремиться к тому, чтобы, играя даже маленькие роли, развиваться активно человечески и профессионально. Не просто пассивно ждать свою роль, но готовить себя к ней.

Должно быть поколение молодых актеров, я за студию в театре. Только одержимость может родить какое-то новое слово!

О. ШЕПИТЬКО.

Фото Б. ВИТКОВА.

Валерий ФОКИН:

«Одержимость может родить новое слово»

АКТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ

В Донецке начались гастроли Московского ордена Трудового Красного Знамени театра имени М. Н. Ермоловой. Недавно в этот коллектив пришел новый главный режиссер. Сегодня наш корреспондент беседует с заслуженным артистом РСФСР Валерием Фокиным о его гражданской и творческой позиции, о планах театра.

зритель помнит, как событие, которое произошло в жизни. Театр, мне кажется, может заронить в душу какой-то импульс, вскрыть эмоции, которые спят в тебе и делать это не декларативно, нравственно, а художественно, говоря со сцены про то, о чем многие, может быть, догадываются, но молчат. Мы должны нащупывать болевые точки сегодняшнего дня, говорить об актуальных нравственных, социальных вопросах. Художник ведь работает прежде всего для аудитории, для зрителя. Театр может сделать человека лучше, я в это твердо верю. Если в это не верить, не нужно работать.

— Вы сказали о том, как важно театру поднимать болевые, актуальные проблемы. Что «болит» у Вас, что лично Вас волнует сегодня?

— Больше всего меня волнует, чтобы мы все жили честно. Меня волнует правда. Она необходима во всех сферах жизни, и нужно не только говорить об этом, но и добиваться правды. Она должна быть маяком, двигателем, без которого невозможно идти вперед. К сожалению, часто мы ее избегаем, она ведь не баюкает, она тебя тербит, не дает жить спокойно... Время, в которое мы живем, прекрасное, своеобразное, время социальных перемен, и эти перемены требуют обостренного отношения к правде, а от театра — максимальной социальной активности. Вот про это, собственно, весь наш будущий репертуар и в первую очередь — спектакль по произведениям Валентина Овечкина «Районные будни», который мы посвящаем XXVII съезду партии и над которым уже начали работать. Это материал очень

ра, театра психологического. Поэтому большое место в репертуаре отводим мы современной драматургии.

— А классика?

— Успешно решать современные проблемы можно с помощью классики. Она всегда современна, поднимает общечеловеческие проблемы. От настоящей классики вообще всегда такое ощущение, что она написана сегодня утром. Так что мы от классики ни в коем случае не откажемся.

— Говорят, что время выдвигает своих героев. Каким Вы видите молодого героя нашего времени? Какие вообще качества цените в людях?

— Для меня сегодня герой — это человек, способный взять на себя ответственность, совершить поступок. Даже во взаимоотношениях «она—он», «ребенок и ты»... Во всех мелочах! А вообще я человек тетра, театр для меня — жизнь, и мне проще говорить о людях театра. Так вот, самое ценное качество в людях театра, на мой взгляд, — озабоченность и боль за судьбу театра, больше, нежели за свою собственную. Умение отстраниться от собственных претензий, самолюбия ради общего дела. Все эти качества аккумулируются в конечной цели — в том, что мы хотим сделать в театре, хотим сделать для людей.

— Вы говорили о катарсисе, происходящем с человеком в театре, о том духовном заряде, который получаешь от хорошего спектакля. У Вас все было именно так? Вы влюбились в театр сразу и навсегда?

— Я хорошо помню, как впервые дед привел меня во МХАТ на «Мертвые души». Вообще-то я был трудновоспитуемым ребенком, в театр ходил

каждый вечер по телевизору), а именно праздником. Дети остро чувствуют фальшь, их нужно заинтересовать, театр для них — прежде всего зрелище, оно должно быть ожидаемым, а не привычным.

Я хорошо помню, как мы ходили с классом в детский театр, был там такой спектакль «Димка-невидимка». Мы сидели наверху и бросали с высоты вниз обертки от конфет... Прошло много лет, и я ставил спектакль «Вечера на хуторе близ Диканьки» в этом же, Центральном Детском театре. И вдруг с ужасом увидел среди членов художественного совета тех самых актеров, которые играли тогда, в тот день, на сцене...

— А интересно, на этом Вашем спектакле летали по залу бумажные фантики?

— Вы очень верно спросили. Знаете, меня этот вопрос тоже волновал, и я заходил в зал, смотрел. Да нет, вроде не летали.

— Кто Ваш главный судья — коллеги, зрители, критики? Как вообще складываются у Вас отношения с критикой?

— Были периоды, когда главным критерием был мой собственный взгляд. Так это, пожалуй, и осталось. Я, в общем-то, быстро после премьеры могу отстраниться и критически оценить то, что сделано. Сейчас решающим стало, наверное, мнение зрителя. Но зритель бывает разный, важно не идти у него на поводу, а пытаться поднимать его до какого-то более высокого уровня. Можно сделать спектакль, который наверняка понравится зрителям, но не будет художественным. Это несложно. Нащупать болевую точку, что действительно волнует зрителя, помочь ему